

САМЫЕ
ПАМЯТНЫЕ
СТРОКИЕвгений
ДОЛМАТОВСКИЙБудет здесь положено
начало вражьего конца

Лето 1942 года было для нас очень тяжким.

Войска Юго-Западного фронта сбиты с рубежа реки Оскол и покатались к Волге. Отступаем по голой степи, над нами, как прикрепленная, виснет «рама» — двухфюзеляжный самолет, разведчик-корректировщик. На дорогах, особенно на переправах, — пробки, враг бомбит нещадно, только пыль дорог, не успевающая осесть, несколько маскирует колонну. Но бомбы свистят и воют, гибнут мои товарищи.

Где наша редакция — неизвестно.

Я нашел своих уже в Сталинграде, на улице Ленина. Их приютила редакция «Сталинградской правды», и, поскольку поезд-типография потерялся или застрял где-то, наша фронтовая газета «Красная Армия» и листовки политуправления фронта будут печататься в областной типографии.

...По приказу неугомонного и беспощадного редактора я должен срочно сдать стихи о Победе. В номер или для листовки.

Сейчас вспоминаю: в той катастрофической ситуации никакого иного выхода мы не видели — только Победа могла спасти страну, фронт, каждого из нас. Как и когда она придет — никто не знал. Знали, что невозможно, немислимо — пустить врага за Волгу.

Вот об этом и было срочно написано стихотворение «Разговор Волги с Доном».

Через десятилетия, с сегодняшней высоты можно спокойно разобраться — почему было написано такое стихотворение. Может быть, я знал планы Верховного командования? Может быть, выполнялось таким способом задание штаба фронта? (Бывало, получали журналисты замысловатые поручения — ведь командование очень доверяло им.)

Нет, если говорить точно, было краткое и без деталей приказание редактора, а если выражаться высокопарно, то писались стихи по велению сердца.

Впрочем, в том же духе писали в те дни мои сотоварищи по Юго-Западному фронту — Борис Палийчук, Микола Бажан, Микола Упеник, Павло Усенко.

Разумеется, мы не знали, как развернется и повернется сражение на рубеже Волги. Но если поэзии дано хоть на дни, на месяцы опережать время, то именно это ее свойство могуче проявилось на Великой Отечественной. Разве стихи Николая Тихонова, Ольги Берггольц, Александра Прокофьева с первого дня блокады не были стихами о Победе под Ленинградом? Разве стихи Алексея Суркова, Константина Симонова, Маргариты Алигер, Иосифа Уткина не были стихами о будущей Победе под Москвой?

Подобную работу пришлось вести всем поэтам фронтовых и армейских (ну и центральных, конечно) газет. Их строки бы-

ли как пули, летящие во врага из недалекого будущего. После войны было написано много замечательных стихов и поэтами — по должности — еще на фронте, и солдатами, ставшими потом поэтами, и стихотворцами новых поколений. Но стихи — участники боев — должны быть выделены в особый раздел, чрезвычайно важны даты их написания и опубликования.

«Разговор Волги с Доном» появился тогда, когда положение на нашем Юго-Западном фронте было ужасным.

В августе 1942 года стихотворение было отпечатано листовкой в типографии «Сталинградской правды». (Листовка — не номер газеты, на ней не ставится дата выпуска.)

Я вновь выехал в междуречье Волги и Дона.

Мы находились в гвардейской дивизии, скомплектованной из десантников, вместе с товарищем и коллегой — Львом Ющенко, будущим писателем, а тогда юным корреспондентом «Комсомольской правды». (Я работал во фронтовой газете, но тоже числился за «Комсомолкой».)

Ющенко был тяжело ранен на подступах к Сталинграду. Его должны эвакуировать в Сталинград и отправить в тыл. Ему очень худо. Но корреспондент остается корреспондентом, пока дышит.

— Ты еще не отправил в «Комсомолку» «Разговор Волги с Доном»? — спросил он, не открывая глаз, как сквозь сон. Узнав, что нет, он потребовал: — Давай сюда, я доставлю...

Наверное, ему необходимо было в тот момент убедить себя, что ничего страшного с ним не произошло, он продолжает организовывать материалы для своей газеты...

Мое стихотворение отправилось в неизведанный путь. Из Сталинграда в Саратов раненых эвакуировали на прогулочном пароходе, переоборудованном под госпиталь. Как стало известно, пароход подвергся варварской бомбежке, загорелся, затонул. Тревожно и больно было за Ющенко. Жив ли, спасся ли?

Кончился август, запылал еще более суровый сентябрь.

В Саратове, где я выздоравливал после ранения, пришла «Комсомолка».

Напечатан «Разговор Волги с Доном». Какое счастье — Лева Ющенко спасся!

Лишь после войны я узнал, каким трудным был для него путь в тыл. Как в песне фронтовых корреспондентов, сочиненной Симоновым: жив ты или помер, главное, чтоб в номер материал успел ты передать...

А сражение в Сталинграде достигло высшей, наипоопаснейшей точки, крайней ожесточенности. Враг вновь и вновь атакует, бой в цехах Тракторного, на «Красном Октябре», в центре города.

В стихах фронтовых поэтов честно говорилось, как у нас трудно. Но уверенность в победе не поколебалась. Стихотворение «Разговор Волги с До-

ном» не выделялось среди других газетных стихов тех дней.

19 ноября 1942 года началось решительное наступление, которому суждено было войти в историю. Все переменялось. В кольцо оказались они! Точно как в стихах: «С двух сторон врагов проклятых сдавим и раздавим их».

Когда кольцо уже плотно замкнулось, в политотделе одной танковой бригады я взял в руки свежий номер «Правды» и был весьма удивлен — «Разговор Волги с Доном» вновь напечатан! Случай редкий в газетной практике: 24 ноября в «Правде» опубликованы стихи, печатавшиеся два месяца назад в «Комсомолке».

Но теперь стихотворение выглядело как репортаж с места события и повторяло сводку Информбюро: «В междуречье между Волгой и Доном взяты в кольцо». Ну а дальше:

Не уйдут пришельцы

из кольца.

Будет здесь положено начало
Вражьего конца...

Все правильно.

Наверное, можно произвести интересное исследование: как в советской поэзии были прогнозированы многие события Великой Отечественной войны. Ничего удивительного, просто вера в Победу водила нашими карандашами...

Разговор

Волги с Доном

Слышал я под небом
раскаленным —
Из-за сотни верст, издаലെка,
Тихо говорила Волга Дону,
Волга — мать-река:

«Здравствуй, Дон,
Товарищ мой старинный!
Знаю, тяжело тебе, родной.
Берег твой измывался
кручиной, —
Коршун над волной.

Только я скажу тебе,
товарищ,
И твоим зеленым берегам:
«Никогда, сколь помню,
не сдавались
Реки русские врагам».

Дон вдали сверкнул
клинком казачьим
И ответил Волге:
«Труден час,
Горько мне теперь,
но я не плачу,
Слышу твой наказ.

Русских рек великих
не оставим,
В бой отправим
сыновей своих,
С двух сторон врагов
проклятых сдавим
И раздавим их».

Волга Дону громко отвечала:
«Не уйдут пришельцы
из кольца.
Будет здесь положено
начало
Вражьего конца».

Темным гневом набухают
реки,
О которых у народа есть
Столько гордых песен,
что вовеки
Их не перечесть.

Реки говорят по-человечьи,
Люди, словно волны,
в бой идут,
Пусть враги на этом
междуречье
Смерть свою найдут.

Бой кипит под небом
раскаленным,
Ни минуты передышки нет.
Волга говорит, как с братом,
с Доном,
Дон гремит в ответ.

ст. ПЕРЕКОПСКАЯ.
Август 1942 г.